Человеческое измерение сельской истории: демографические потери и дачная ревитализация одной тверской деревни[1]

Л. П. Богданова, Д. М. Виноградов, А. А. Смирнова

Лидия Петровна Богданова, доктор географических наук, заведующая кафедрой социально-экономической географии и территориального планирования факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, 3, корп. 2. E-mail: Bogdanova.LP@tversu.ru

Дмитрий Михайлович Виноградов, аспирант факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, 3, корп. 2. E-mail: Vinogradov.DM@tversu.ru

Александра Андреевна Смирнова, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, 3, корп. 2. E-mail: Fomkina.AA@tversu.ru,

Аннотация. Статья посвящена реконструкции исторического пути и ключевым постсоветским изменениям деревни Денисово, расположенной в Рамешковском муниципальном округе Тверской области. Исследуемая местность — ядро основного ареала расселения тверских карел, сложившегося в верховьях реки Медведицы. Другая особенность географического положения деревни — нахождение в приагломерационной зоне Твери и близость Московской области. Эти черты во многом определяли направления демографических изменений деревни в разное время. На основе разных материалов, включая исторические источники, представлена краткая характеристика заселения изучаемой территории карелами, показан этнический состав жителей в населенных пунктах, входивших вместе с деревней Денисово в Замытскую волость. На основе данных земской статистики и переписей населения проанализирована динамика людности сел и деревень бывшей Замытской волости с конца XIX века до начала XXI века. В статье представлена схема исторической реконструкции деревни Денисово, составленная на основе опроса старожилов, проведенного в 1999 году. Схема дает представление о числе проживающих в домохозяйствах с 1930-х до 1990-х годов и о демографических потерях деревни в XX веке. Повторное исследование, проведенное летом 2024 года, обнаружило дачную трансформацию деревни, когда значительная часть домохозяйств оказались сезонно обитаемыми. На основе интервью с местной жительницей составлена современная схема домовладений. Схема наглядно демонстрирует, что принадлежность дачных домов в Денисове отражает традиционные направления миграции сельского населения Тверской области — Тверь, Москва, С.-Петербург. Владельцы домов — преимущественно уроженцы или наследники, т.е. потомки уехавших из деревни в XX веке. В статье высказана гипотеза о значимой роли этнокультурного фактора в ревитализации тверских деревень.

---

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект № 24-17-00107

Ключевые слова: исследования сельской местности, динамика людности, сельская депопуляция, трансформация деревни, дачная ревитализация, Тверская Карелия

EDN OTGKMC

Социально-географические исследования сельской местности имеют давние традиции, сложившиеся как в рамках самой географии, так и смежных научных дисциплин. Благодаря недавним публикациям коллег-географов, в том числе — на страницах «Крестьяноведения», где достаточно подробно рассмотрены вопросы изученности темы (Савоскул, Алексеев, 2021; Прусихин и др., 2022), в данной статье лишь кратко перечислим основные этапы в развитии этого направления исследований. За почти 150-летнюю историю изучения российской деревни в ней были разные периоды — повышенный интерес сменялся исследовательским затишьем, и наоборот.

Обзор истоков этого направления почти всегда начинается с работы П. П. Семенова-Тян-Шанского по Мураевенской волости Рязанской губернии (1880), для написания которой автор осуществил подворовую перепись, собрав данные о социально-экономическом положении крестьян. В другом ключе, но в той же проблематике, проводились исследования его детьми — Вениамином Петровичем (1910) и Ольгой Петровной (1914). Были и другие исследователи сельской жизни, выполнявшие свои проекты под эгидой Русского географического и Вольного экономического обществ.

Позднее, в 1920-х годах, отмечался всплеск крупномасштабных исследований сельской местности, всесторонне характеризующих жизнь крестьян в период высокой активности, связанной с новой экономической политикой (Яковлев, 1923, 1924; Лежнев-Финьковский, 1925; Феноменов, 1925; Росницкий, 1926; и др.). В 1930–1950-е годы социальные аспекты сельской жизни оставались за пределами научных интересов.

В 1960–1970-е годы изучение сельской местности продвигалось главным образом усилиями новосибирских социологов (Заславская, Рывкина, 1972, 1974) и московских географов-руралистов, прежде всего, С. А. Ковалева, его учеников и последователей (Ковалев, 1960, 1963; Алексеев, 1988, 1990; Ткаченко, 1984).

В 1990-е организаторская деятельность Теодора Шанина и реализация под его руководством масштабных экспедиционных проектов сформировали в России научную школу рефлексивного крестьяноведения (Шанин и др., 2002). Ее главной особенностью стала «качественная методология», предполагавшая глубокое погружение исследователя в сельскую жизнь. Сегодня последователи этой школы вносят заметный вклад в формирование представлений о том, что происходит в сельской местности разных регионов России (напр.: Никулин, Никулина, 2015; Виноградская и др., 2020; Фадеева, 2022).

В 2000-е и особенно в 2010-е выходило большое число работ, выполненных в Институте географии РАН, в которых на основе объ-

емного массива статистических данных и масштабных полевых материалов поднимались разнообразные вопросы развития сельской местности. Один из главных исследовательских трендов, заданных учеными-географами в то время, — дачеведение (Между домом.., 2016). Широкий круг вопросов изучения дач — распространенность «второго жилья» в сельской местности, миграции горожан в деревню, а также повсеместность и распространенность дачного явления обусловили популярность темы среди представителей разных научных дисциплин.

Методически исследования сельской местности реализуются двумя способами — «малое в большом», когда на основе сбора и анализа солидных баз статистических данных выявляются тенденции и пространственные различия демографических, производственно-экономических, экистических, социальных процессов, и «большое в малом», когда с помощью скрупулёзных крупномасштабных исследований, доходящих до каждого сельского двора и отдельного сельского жителя, удается проследить закономерности изменения тех же самых процессов в условиях конкретного сельского населенного пункта, с учетом его индивидуальных особенностей. Первый подход, номотетический, основан преимущественно на количественных методах исследований (Нефедова, 2003, 2015; Зубаревич, 2013; Алексеев, Сафронов, 2017; Аверкиева, Землянский, 2016; Ткаченко и др., 2021). В рамках второго подхода, идеографического, используется широкий набор качественных методов, прежде всего, социологических (Угорский проект под рук. Н. Е. Покровского и Т. Г. Нефедовой, серии работ по Алтайскому региону, Брянской, Московской, Тверской областям, регионам Поволжья, Юга России и др.). Эти два подхода взаимосвязаны и взаимно обогащают друг друга, их сочетание особенно продуктивно на этапах глубоких трансформаций, которые переживает сельская местность нашей страны на протяжении последних десятилетий.

Сегодня вопросы сельско-городского взаимодействия, перспектив дезурбанизации, «новой сельскости», джентрификации и ревитализации деревни представляются наиболее актуальными и обсуждаемыми в научных кругах. Особенностью таких сюжетов является их сложная измеримость в количественных показателях. Можно привести немногие примеры работ, где используются «нестандартные» данные для улавливания городского влияния на сельскую местность — информация сотовых операторов (Makhrova et al., 2021), космические снимки (Нефедова, Медведев, 2020), аэровидеосъемка местности (Баскин и др., 2022). Преимущественно указанные темы — поле для крупномасштабной работы с применением качественных методов.

В таком ключе выполнено данное исследование. Его объектом стала деревня Денисово Рамешковского муниципального округа Тверской области, ее выбор обусловлен возможностью сравнить результаты исследования, проведенного 25 лет назад, с современ-

ным положением деревни. В 1999 году студентка кафедры социально-экономической географии ТвГУ Надежда Иванова провела оригинальное исследование — составила историческую схему-реконструкцию деревни Денисово с 1930-х до 1990-х годов. В августе 2024 года мы посетили эту деревню в особый момент — умерла последняя коренная жительница В. А. Потемкина, но при этом каких-либо следов запустения не увидели: ухоженные дома, палисадники, огороды. Отсюда и возникла задача оценить демографические потери этого сельского населенного пункта, установить их причины, а также выявить главные факторы, способствующие ее современной ревитализации.

Выбранная деревня находится в 5,5 км к северо-западу от села Никольское — бывшего центра сельского поселения, до центра муниципального округа пгт Рамешки — 21,5 км, до Твери — 96,5 км (рис. 1). Деревня стоит на берегу реки Медведицы на маршруте древнего торгового пути из Бежецка на Торжок.

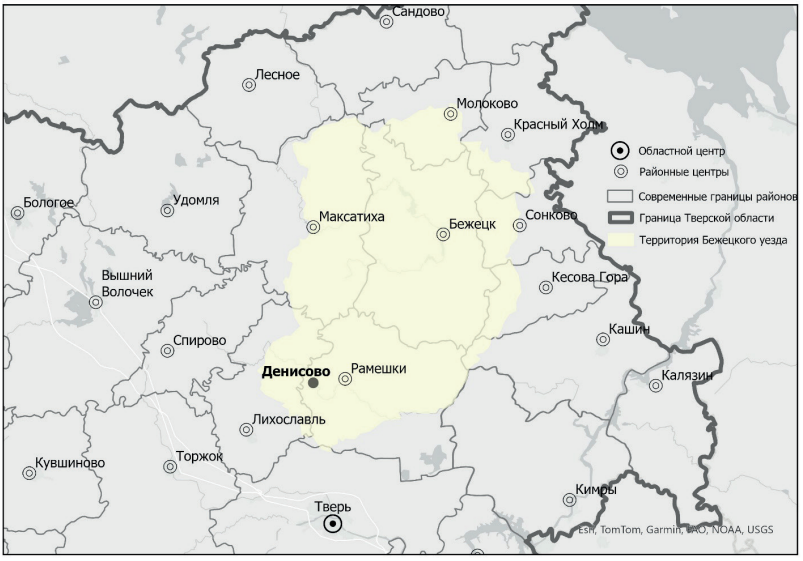

Рис. 1. Положение исследуемой деревни Денисово на карте Тверской области

История, территориальная принадлежность

Территория, где расположена деревня Денисово, находилась на крайнем юго-востоке новгородских земель и за свою историю переходила от Новгорода к Москве и Твери, из Замытской волости Бежецкого уезда в Рамешковский район Калининской области.

Упоминаются впервые Бежецкие земли в новгородских источниках XI–XII веков, а села вблизи деревни Денисово — Никольское и Замытье — отмечены на карте Новгородских пятин в XVI веке, составленной К. А. Неволиным в 1853 году.

Первоначально земли историко-географического ареала Бежецкий Верх были освоены финно-угорскими племенами (историки спорят, весь или меря), которых примерно в IX веке потеснили славяне. «Масса рыбы и пушного зверя, обилие дичи, роскошные сенные покосы и особенно богатство хлебом, в котором Новгород так всегда нуждался, делали Бежецкую колонию новгородской житницей» — так описывал бежецкие земли священник-краевед И. Н. Постников (1921). В XIII–XV веках за бежецкие земли шла ожесточенная борьба, княжеские междоусобицы, и только во второй половине XV века (1478 г.) Бежецкий Верх был присоединен к Москве. При Иване III земли Новгорода были поделены на пятины, западная часть Бежецкого Верха стала Бежецкой пятиной с двумя половинами — Тверской и Белозерской. Новое административное деление было произведено в начале XVIII века, после чего принадлежность изучаемой части Бежецкого Верха неоднократно менялась:

— в 1708–1727 гг. в составе Ингерманландской (с 1710 г. Санкт-Петербургской) губернии, Новгородская провинция;

— в 1727–1775 гг. в составе Новгородской губернии, Тверская провинция;

— в 1775–1796 гг. в составе Тверского наместничества, Бежецкий уезд, Каменский стан;

— в 1796–1929 гг. в составе Тверской губернии, Бежецкий уезд, Замытская волость.

Непростой климат и сложные политические события неоднократно приводили к запустению бежецких земель, особенно во времена Ивана Грозного (опричнина) и польско-литовских нашествий в начале XVII века. Именно в эти обезлюдевшие земли переселялись православные карелы, в значительной степени заменив русское население. Деревня Денисово, как и многие села и деревни вдоль реки Медведицы, стала типичной карельской деревней.

Тверские карелы — потомки этнической общности корела, сформировавшейся к XII веку на территории северо-западного Приладожья. А. А. Булкин, исследовавший географическую разобщенность карельского этноса, отмечал, что систематические переселения карел вглубь русских земель начались уже в XIII веке (Булкин, 2005: 43). Специалистами выделяется несколько миграционных волн, обусловленных возрастающей напряженностью отношений между Россией и Швецией. Планомерное переселение карел началось после заключения Столбовского мира в 1617 году — карелы массово уходили из мест, отошедших к шведской короне, из-за высоких налогов и насильственного обращения в лютеранство.

Наиболее массовое переселение карел вглубь русских земель произошло в период Русско-шведской войны 1656–1658 годов. По словам А. Н. Вершинского (1935: 81), «карельская колонизация» велась по двум основным направлениям, которые соответствовали «дорогам крупного торгового значения». Первое — на Москву через Новгород, Валдай и Торжок; второе — на Бежецк и Череповец с выходом на притоки Северной Двины. На обезлюдевших землях Бежецкого Верха — историки оценивают в 3–4% долю населения, оставшегося после польско-литовских разорений, мора и голода — осели наиболее многочисленные группы карел. В результате этой миграции сформировался самый крупный ареал расселения карел (за пределами Приладожья и Карельского перешейка) — Тверская Карелия, вероятно, впервые так названная в 1836 году Ф. Н. Глинкой. В письмах к П. И. Кёппену он писал: «Тверские карелы говорят своим языком и держатся древних родовых нравов, отличаясь и доныне от соседей своих некоторыми патриархальными добродетелями. Поэтому описываемый мной угол Бежецкого уезда может назваться Тверскою Карелией» (Глинка, 1836: 15).

Истории переселения карел и формированию ареала их расселения в Тверской области посвящена обширная литература. Об интересе к Тверской Карелии свидетельствуют регулярные обследования этих мест начиная с первой половины XIX века. Даже несмотря на репрессии, которые последовали за упразднением просуществовавшего два года Карельского национального округа (1937–1939), работа по изучению тверских карел, их языка и быта продолжалась. Сегодня несмотря на то, что в Тверской области осталось менее 3 тысяч карел (по данным переписи 2021 г.), интерес к этой этнической общности и культуре карел не ослабевает.

Исследуемая деревня Денисово — карельская (рис. 2). Как и многие другие пункты в окрестностях, она относилась к Козловско-Толмачевскому ареалу расселения карел. По А. А. Булкину (Булкин, 2005), эта территория — «ядро Тверской Карелии», где наблюдались наибольшая густота карельских поселений и численность проживающих там карел.

Территориальные особенности размещения карельских поселений отметил Л. Е. Иофа: чуть в стороне от крупных трактов и основных рек, где сохранилось русское население. Козловско-Толмачевский ареал лежал внутри треугольника торговых трактов, связывавших Вышний Волочек, Торжок и Бежецк. Не селились карелы на берегах крупных рек — Тверцы, Цны, Мологи. Самая «карельская» река в Тверской области — Медведица — была заселена карелами лишь в верхнем течении (Булкин, 2005).

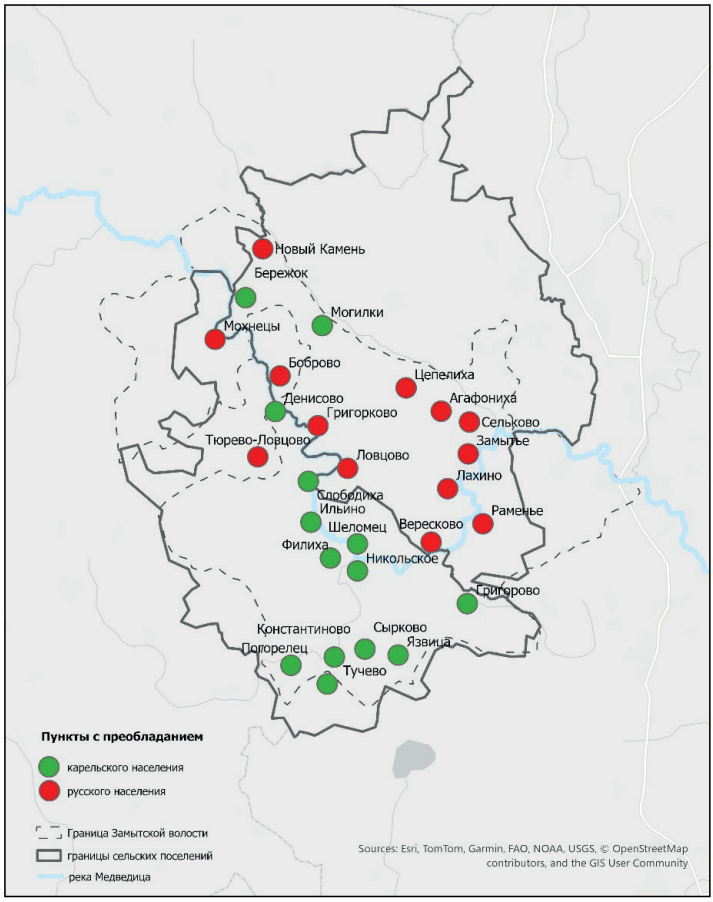

Рис. 2. Преобладающий этнос в населенных пунктах Замытской волости, составлено по: (Вершинский, 1932)

Замытская волость

Замытская волость, к которой относилась деревня Денисово в XIX веке, входила в число самых населенных в Бежецком уезде Тверской губернии. По показателю плотности населения — 63,8 чел/км² — она занимала третье место в уезде. Замытская волость была также на втором месте по среднему размеру СНП (268 чел.). Средний размер домохозяйства («избы») также был довольно большим и составлял 4,5 человека. Замытская волость входила в число тех, где отмечалась наиболее благоприятная структура трудовых ресурсов — доля «малосильных семей» (без работников) составляла всего 6% от их общего числа (Сборник.., 1891а).

Согласно Сборнику статистических сведений по Тверской губернии (1891б), в состав волости входило 34 деревни и 3 села, из того списка до наших дней сохранились 25 населенных пунктов. В рассматриваемый массив СНП вошли также две деревни соседней Микшинской волости — Боброво и Тюрево-Ловцово, а также д. Пески, появившаяся в начале XX века.

В постсоветское время эти 28 пунктов относились к двум разным сельским советам (округам), а затем — сельским поселениям. 13 деревень вместе с селом Никольское составляли одноименное сельское поселение (СП), другие 13 деревень с центром в селе Замытье образовали Замытское СП.

По данным на 1887 год, суммарная численность населения в рассматриваемых СНП составляла почти 8 тысяч человек (рис. 3). Средний размер населенного пункта (больше 250 человек) значителен по меркам Тверской губернии. С учетом ограниченности благоприятных сельхозугодий и распространения болот, это говорит об устойчивости селений. Здесь эта «стойкость» была обусловлена торгово-промышленной специализацией местности.

Из 37 пунктов, существовавших тогда в Замытской волости, какие-либо промышленные объекты были в 21. В деревнях и селах размещались мельницы, кузницы, маслобойные заводы, примечательной особенностью этих мест является распространение кожевенной промышленности. Кожевенные заводы располагались в 5 деревнях. Выделялась волость и наличием торговых объектов. Например, в селе Замытье в 1887 году было 6 лавок, 2 трактира и 2 питейных заведения, в деревнях Лахино и Бережок — по 4 торговых лавки. Такая специализация селений обусловлена их притрактовым положением и обслуживанием людей и грузов. Природные ограничения для занятия земледелием компенсировались несельскохозяйственными занятиями, а также отходническим промыслом местных жителей, преимущественно в коновалы и сапожники.

К сожалению, для всего массива СНП не удалось найти единообразных данных о численности проживающих в первой половине XX века, однако информация по отдельным деревням и селам показывает, что 1920-е были тем периодом, когда поселения достигли своей максимальной людности. От этого только разрушительнее смотрятся последовавшие за этим потери 1930-х годов. В волостном центре — селе Замытье — в 1920 г. проживали 1046 человек, а в 1936 г. — уже 408. В деревне Лахино — крупном торгово-промышленном селении, где до революции работали два кожевенных завода — в 1920 г. насчитывалось 898 жителей, в 1936 г. — 290. Самые сильные потери происходили, вероятно, с 1934 по 1936 год. Так, численность населения карельского села Никольское в этот период уменьшилась почти на треть — с 416 до 293 человек (Рамешковский район.., 2001).

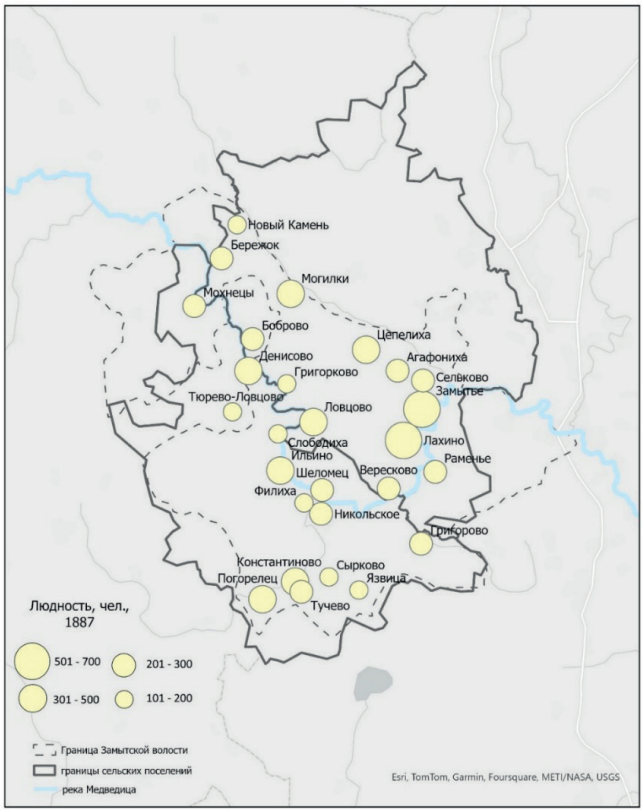
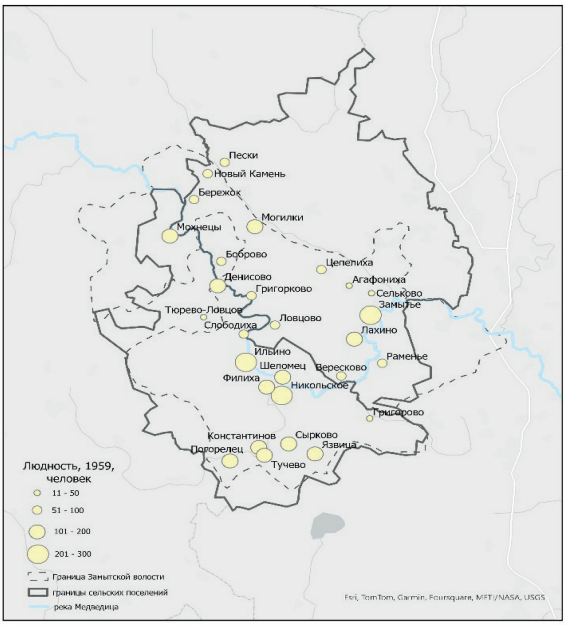

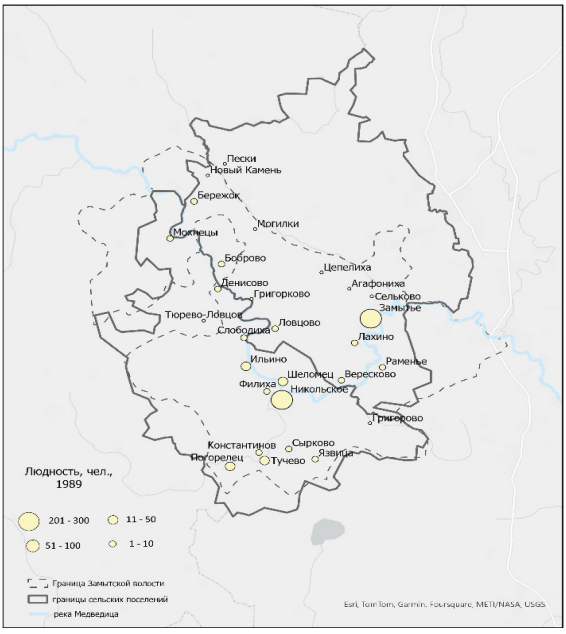
Рис. 3. Людность рассматриваемых населенных пунктов, по данным на 1887 год

В последующие десятилетия убыль населения продолжилась. По переписи 1959 г. на исследуемой территории проживало чуть больше 3 тысяч человек, т.е. с 1887 г. численность населения сократилась более чем в два раза. Через 100 лет от начала рассматриваемого периода — в 1989 г. число жителей немногим превысило 1000 человек. По данным последней переписи, на территории упраздненных к тому времени сельских поселений — Замытского и Никольского — насчитывалось 788 жителей. В списках населенных пунктов значилось 28 СНП, из них 5 были отнесены к категории «без населения».

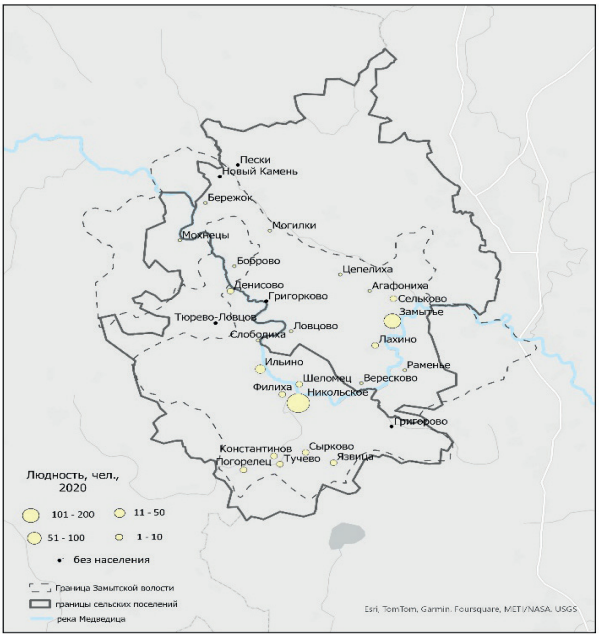
Созданные в ходе коллективизации хозяйства постоянно укрупнялись, последние объединения произошли в 1965 году. Тогда колхозы с центральными усадьбами в Замытье и Никольском были преобразованы в совхозы «Рамешковский» и «Тучевский», соответственно, куда вошли все деревни двух сельсоветов, созданных вместо Замытской волости. Приватизация земель и реорганизация предприятий, произошедшая в 1990-е, привела к возникновению на месте бывших совхозов небольших ОАО и ООО, которые сегодня уже не действуют (Рамешковский район.., 2001).

Пески
Новый Камень
Бережок
Могилки
Можнецы
Боброво
Цепелиха
Денисово
Агафониха
Григорково
Сельково
Замытье
Тюрево-Ловцово
Слободиха
Ловцово
Лахино
Ильино
Раменье
Шеломец
Вересково
Филиха
Никольское
Григорово
Константинов
Сырково
Погорелец
Явица
Тучево
Людность, 1959, человек
11 - 50
51 - 100
101 - 200
201 - 300
Граница Замытской волости
границы сельских поселений
река Медведица
Esri, TomTom, Garmin, Foursquare, METI/NASA, USGS

А

Пески
Новый Камень
Бережок
Могилки
Можнецы
Боброво
Цепелиха
Денисово
Агафониха
Григорково
Сельково
Замытье
Тюрево-Ловцово
Слободиха
Ловцово
Лахино
Ильино
Раменье
Шеломец
Вересково
Филиха
Никольское
Григорово
Константинов
Сырково
Погорелец
Явица
Тучево
Людность, чел., 1989
201 - 300
11 - 50
51 - 100
1 - 10
Граница Замытской волости
границы сельских поселений
река Медведица
Esri, TomTom, Garmin, Foursquare, METI/NASA, USGS

Б

В

Рис. 4. Людность рассматриваемых деревень в 1959 (А.), 1989 (Б.), 2021 (В.)

Деревня Денисово в XIX веке

В середине XIX века деревня Денисово являлась частью имения Никольское, которое принадлежало представителю древнего дворянского рода Николаю Васильевичу Зиновьеву — генералу от инфантерии, генерал-адъютанту императорского двора, проживавшему в Санкт-Петербурге. В состав имения, кроме села Никольского, входили село Мохнецы и 12 деревень: Григорково, Денисово, Емельянцево, Ильино, Константиново, Мошница, Мухреево, Озерецкое, Погорелец, Тучево, Сырково, Шеломец, всего 1610 душ крестьян (Описание имения.., 1858).

В 1859 году в деревне Денисово было 49 дворов и 310 жителей, в 1887 году — 62 двора и 357 жителей. Земская статистика дает представления о жизни деревни в конце XIX в.: средний душевой надел в 1887 году составлял 4,5 десятины, на хозяйство приходилось 11,4 десятины. В целом усадьбы крестьян составляли 663 десятины, еще 68 десятин покоса находились в аренде. В деревне было 83 лошади, 27 крестьянских хозяйств имели одну лошадь, в 28 хозяйствах было по две лошади и только 8 крестьянских хозяйств были безлошадными. Деревенское стадо состояло из 141 головы КРС и 117 голов нетелей и бычков. Урожайность сельскохозяйственных культур составляла 5 четвертей ржи, 3 четверти овса, 4 четверти яч-

меня, сеяли крестьяне также лен. Занимались крестьяне местными промыслами (кожевенный, ткацкий, сапожный, валяльный, вязальный и др.) — 19 семей; на отхожих промыслах было занято 10 семей; смешанными ремесленными промыслами занималось 3 семьи. Было в деревне 3 промышленных заведения: кузница, маслобойня, кожевенный завод. Грамотных среди крестьян был 21 человек, трое детей посещали школу в Мохнецах. Там же была приходская церковь (Кременецкая, 2000).

В течение XIX века динамика численности населения деревни Денисово была положительной и соответствовала устойчивому приросту карельского населения всего Бежецкого уезда (Головкин, 2008: 32-33):

1834 г. — 25 491 чел.
1859 г. — 35 314 чел.
1873 г. — 42 157 чел.
1897 г. — 46 950 чел.
1917 г. — 49 920 чел.

Век XX. Этапы разрушения демографического потенциала

В 1901 году в деревне было уже не 62 двора с населением 357 человек, а 53 двора с населением 377 человек. Возможно, уменьшение числа крестьянских дворов связано с пожаром, после которого деревня изменила пространственную структуру — вместо нескольких улиц деревня превратилась в поселение линейной формы, где дома стояли вдоль дороги из Никольского в Мохнецы. Кроме того, в начале XX века часть крестьян из деревни вышла на хутора в поле Запетрики — старожилы называли 4–7 семей (Раменшковский район.., 2001).

В 1918 году деревня Денисово, в которой проживали 482 человека (по данным на 1917 год), стала центром новообразованного Мохнецкого сельсовета, просуществовавшего до конца 1940-х годов. Самой большой численности населения деревня достигла в 1920-е годы, во время НЭПа: количество домов возросло до 105, в деревне появилось 7 чайных, 2 кожевенных завода вместо прежнего одного, несколько кузниц, трикотажная мастерская, магазин. Самым успешным предпринимателем стал А. Ф. Быстров-Игнатьев (по имени деда Игнатия) — зачинатель трикотажного дела, который закупил вязальные машинки, пряжу, построил мастерскую, нанял рабочих-вязальщиков, открыл магазин (Кременецкая, 2000)

Крестьяне занимались единоличным хозяйством до 1929 года, а некоторые до 1931 года. Первый колхоз в д. Денисово был организован в 1929 году — это был колхоз «Коллективист» из 7 крестьянских дворов с первым председателем Алексеем Губановым. В 1930–1931 годах началась кампания сплошной коллективизации

и связанное с ней раскулачивание крепких хозяйств — самых старательных, самых трудолюбивых и успешных хозяев. Выселению с конфискацией имущества подверглось 15 семей: Быстровых (4 семьи), Смирновых (3 семьи), Чуркиных (4 семьи), Семенова П. С., Моторина М. В., Муницева А. В., Чеклишева. Кулаком посчитали Алексея Губанова, первого председателя колхоза, который экономил на еде, чтобы купить плуг и борону (Деревня Денисово, 2015). Итоги раскулачивания — не просто людские потери, это утрата самой активной части населения. Среди раскулаченных были прежде всего мастеровые люди — маслобойщики, кузнецы, кожевенники и др. За период с 1934 по 1936 год деревня потеряла половину своих жителей — численность населения уменьшилась с 470 до 238 человек.

Этапы разрушения демографического потенциала деревни в течение XX столетия наглядно демонстрирует схема-реконструкция деревни Денисово, составленная по воспоминаниям старожилов в 1999 году (рис. 5). Не претендуя на абсолютную точность, схема отражает глубокие изменения за три временных периода:

1930-е годы — результаты раскулачивания и потери самых крупных и крепких крестьянских хозяйств, наиболее активной части населения;

1950-е годы — послевоенное население деревни, все еще большие семьи 5–6 и более человек;

1990-е годы — самые разрушительные, когда в деревне постоянного население осталось только 27 человек в 17 домовладениях.

По данным переписей, население деревни Денисово устойчиво сокращалось с 1959 года, причем самыми разрушительными оказались 1970-е годы (рис. 6). Еще в 1950–1960-е годы в деревне работали две маслобойни, была школа, а в 1970-е годы главным триггером оттока населения стало закрытие филиала Рамешковской трикотажной фабрики, который был расположен в соседней деревне Боброво и обеспечивал рабочие места для многих жителей, особенно женщин.

Рис. 5. Схема-реконструкция деревни Денисово, составленная на основе воспоминаний ее жителей (1930–1990-е гг.)

Сельскохохяйственную деятельность вели сначала колхоз «Заветы Ильича», затем совхоз «Тучевский» с центром в с. Никольское. В Денисове с 1965 года была молочная ферма на 200 голов скота. Совхоз «Тучевский» прекратил существование в 1996 году.

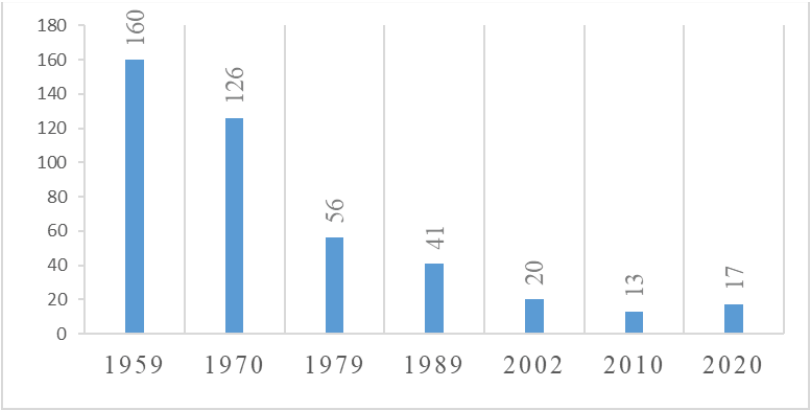

Рис. 6. Динамика численности населения деревни Денисово (1959–2020 гг.), составлено по данным Тверьстата

Итог 1990-х годов — утрата аграрных функций, потери освоенных пахотных угодий, сокращение демографических ресурсов. По переписи 1989 года, в д. Денисово проживал 41 человек (17 мужчин, 24 женщины), по сравнению с 1930 годом, когда в деревне проживало 90 карельских семей, население сократилось в 5–6 раз.

XXI век. Утрата постоянного населения и дачная ревитализация

Если в конце 1990-х годов деревня Денисово, как и многие другие СНП Рамешковского района, выглядела разоренной, угасающей, то наш приезд в августе 2024 года порадовал живым, ухоженным видом домов и участков. Заброшенных домов в руинах, как в 1990-е годы, не осталось, брошенной на полях ржавеющей техники давно не видно, а сами поля за эти годы заросли, многие превратились в лесные насаждения. В деревне нет никаких услуг, даже магазин закрыт, жителей и дачников обслуживает автолавка. Не ходит общественный транспорт, доехать автобусом можно только до Никольского. Поэтому у каждого дома автомобили, без машины в таких условиях невозможно.

Как уже отмечено, именно летом 2024 года в возрасте 92 лет умерла последняя коренная жительница деревни Денисово — Валентина Алексеевна Потемкина. Современное состояние деревни мы узнали из беседы с ее дочерью, Лидией Ивановной Максимовой, вместе с которой составили схему домовладений (рис. 7).

Рис. 7. План-схема домовладений и фрагмент космического снимка деревни Денисово, 2024 г.

В деревне к настоящему времени осталось 36 домов, из которых 11 — нежилые. Эти дома стоят целые, неразрушенные, отличаются только заросшими палисадниками, заброшенными огородами, не тронутыми свежей краской наличниками и заборами. Серые дома, у которых есть собственники, не приезжающие в деревню в течение нескольких лет. Из 25 жилых домов обитаемы в течение всего года только 4, в этих домах на зиму остаются дачники пенсионного возраста, которые завели небольшое приусадебное хозяйство. 21 домовладение стало дачным, сезонно используемым. По месту постоянного проживания дачники распределились следующим образом:

— 10 дачных домов принадлежат жителям Твери, половина которых — уроженцы деревни Денисово или другие наследники;

— 8 дачных домов принадлежат москвичам, причем только 2 — уроженцам деревни Денисово;

— 2 дачных дома принадлежат жителям Санкт-Петербурга, уроженцам деревни Денисово;

— 1 дачный дом во владении жителей пгт Рамешки, уроженцев деревни Денисово.

Принадлежность дачных домов отражает направления миграций жителей, покинувших деревню Денисово: предпочтительным направлением является Тверь, затем с равными значениями по привлекательности стоят столичные города — Москва и Санкт-Петербург (рис. 8).

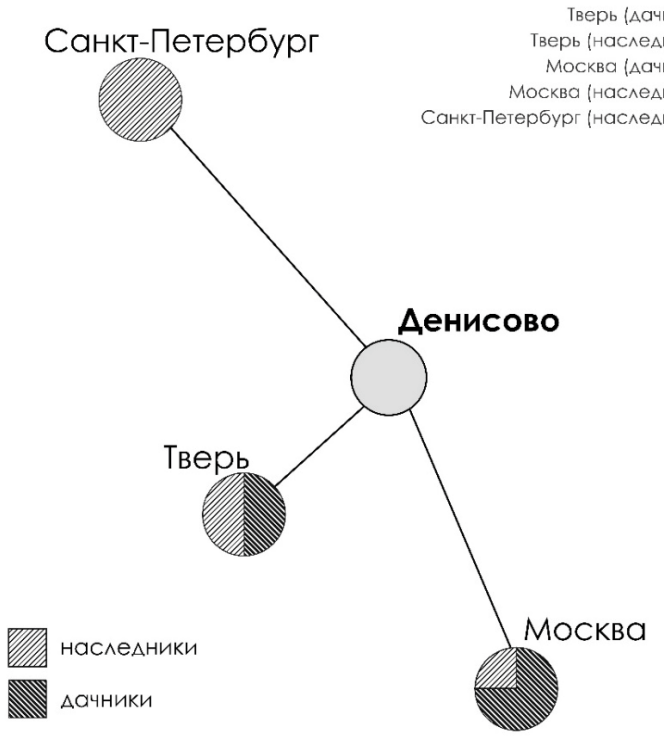

Рис. 8. Владельцы дачных домов в деревне Денисово, 2024 г.

В целом из 21 дачного домовладения — 11 приобретенных и 10 унаследованных. Высокая доля дач, приобретенных москвичами, связана с двумя причинами: Рамешковский район относится к зоне дачного влияния Москвы; вторая причина — дачная экспансия Москвы в период пандемии COVID-19. В 2020–2021 годах москвичи активно приобретали дома в малых городах и сельской местности Тверской области, пригодные для постоянного проживания. Традиционно крепкие дома карельской деревни Денисово, расположенной на берегу р. Медведицы, оказались привлекательными для приобретения таких дач (рис. 9А.).

А

Б

Рис. 9. Фотографии домов в д. Денисово (А.) и торговых рядов в с. Замытье (Б.)

Происходящие процессы можно назвать дачной колонизацией (Аверкиева, Нефедова, 2016), сельской джентрификацией (Аверкиева, 2022) или ревитализацией (Смирнова, 2024) в зависимости от того, какие аспекты интересуют исследователя в первую очередь. Данный кейс показал, что к традиционным географическим факторам дачного «оживления» тверской деревни — приречному, прицентровому, притрассовому положению — следует добавить этнокультурный. Сегодня использование карельского наследия (материального и нематериального) проявляется в разных формах — через организацию этнофестивалей, обустройство гостевых домов, проведение экскурсионных программ и мастер-классов. Хотя в Денисове нет подобных проявлений «оживления», ничто не мешает предположить, что кто-то из нынешних дачников в будущем ре-

шит заняться восстановлением и сохранением памяти о карельской культуре. Тем более что рядом есть пример села Замытье, которое превратилось в заметный центр на туристической карте Тверской области. Восстановление главной архитектурной доминанты села — церкви «Преображение Господне» (1883 г.) и торговых рядов происходило в первую очередь благодаря участию «новых поселенцев» — столичных горожан (рис. 9Б.). Сегодня в Замытье принимают не только индивидуальных гостей, путешествующих по области, но и организованные группы туристов, в том числе — из Москвы и Санкт-Петербурга.

Можно воспользоваться фразой Н. Е. Покровского, прозвучавшей в интервью А. М. Никулину (2023), и назвать происходящее «территориальным переформатированием сельских пространств». При этом возникает вопрос — насколько «новый формат» деревни долговечен? Будет ли следующее поколение наследников и дачников заинтересовано в сохранении своих владений и смогут ли нынешние молодые люди сохранить деревню Денисово? Покажет время.

Библиография

Аверкиева К. В. (2022). Сельская джентрификация в российском Нечерноземье // Вестник Московского ун-та. Серия 5. География. № 6. С. 119-128.

Аверкиева К. В., Землянский Д. Ю. (2016). Современная структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 75-81.

Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г. (2016). Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России: социология, этнология. № 1. С. 103-128.

Алексеев А. И. (1988). Сельское расселение: концепции и реальность // Вопросы географии. Сб. 132. Современное село: пути развития. М. С. 144-182.

Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2017). Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. № 6. С. 55-61.

Баскин Л. М., Покровский Н. Е., Николаева У. Г. (2022). Социология по земле пешком и с высоты полета квадрокоптера. Сельские дома и деревенская жизнь Ближнего Севера России (на примере Костромской области) // Крестьяноведение. Т. 7. № 4. С. 72-108.

Булкин А. А. (2005). Географическая разобщенность и субэтносы карел. Дисс. … канд. геогр. наук (25.00.24). СПб.: РПГУ им. А. И. Герцена.

Вершинский А. Н. (1932). Список карельских селений Московской области. М.: тип. изд-ва «Пролетарская правда».

Вершинский А. Н. (1935). Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. / Ксерокопия статьи из издания: Исторический сборник / АН СССР. Москва. Т. 4. С. 73-104.

Виноградская О. Я., Виноградский В. Г., Никулина Е. С. (2020). Мир новых поселян: малые дела vs большие надежды // Пути России. Народничество и популизм: Сб. ст. XXVI Межд. симпозиума. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. С. 271-288.

Глинка Ф. Н. (1836). О древностях в Тверской Карелии: извлечение из писем Ф. Н. Глинки к П. И. Кеппену. Санкт-Петербург: типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел.

Головкин А. Н. (2008). История Тверской Карелии. Тверь: Студия-С.

Деревня Денисово (2015). URL: https://gamaza1971.wordpress.com/2015/02/23/деревня-денисово/ (дата доступа: 20.01.2025).

Заславская Т. И., Рывкина Р. В. (1972). Влияние процессов урбанизации и индустриализации на социально-экономическое развитие деревни // Социально-экономическое развитие села и миграция населения / Т. И. Заславская, В. А. Калмык (ред.). Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР. С. 245-263.

Заславская Т. И., Рывкина Р. В. (1977). Методологические проблемы системного изучения деревни. Новосибирск: Наука.

Зубаревич Н. В. (2015). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 26-38.

Ковалев С. А. (1960). Географическое изучение сельского расселения (задачи, методика, материалы, специальные карты расселения). М.: изд-во Моск. ун-та.

Ковалев С. А. (1963). Сельское расселение (географическое исследование). М.: изд-во Моск. ун-та.

Кременецкая Т. Н. (2000). В Тверском углу. Материалы для энциклопедии «Тверская деревня». Жуковский: изд-во МИМ «ЛИНК».

Лежнев-Финьковский П. Я. (1925). Как живет деревня. Очерки о состоянии деревни в Челябинском и Пермском округах Уральской области. М.: Новая деревня.

Между домом… и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016) / Ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф.

Неволин К. А. (1853). О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб.: Тип. Императорской академии наук.

Нефедова Т. Г. (2003). Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство.

Нефедова Т. Г. (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: Ленанд.

Нефедова Т. Г., Медведев А. А. (2020). Сжатие освоенного пространства в центральной части Европейской России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Известия РАН. Сер. Геогр. Т. 84. № 5. С. 645-659.

Никулин А. М., Никулина Е. С. (2015). Мошинский куст: ветви жизнедеятельности северной сельской местности // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 10. М.: Дело. С. 274-294.

Описание имения помещика Н. В. Зиновьева, состоящего в Замытской волости Бежецкого уезда 28 авг. 1858 г. ГАТО. Ф. 148. О. 1-1. Д. 6. Л. 16.

Покровский Н. Е., Никулин А. М. (2023). Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств // Крестьяноведение. Т. 8. № 2. С. 140-158.

Прусихин О. Е., Жуковский Е. Д., Крутов О. Д., Алексеев А. И. (2022). Жизнь Ивана и Ганса в XXI веке: Волчихинский район, Алтайский край // Крестьяноведение. Т. 7. № 3. С. 190-209.

Постников И. Н. (1921). Бежецкий Верх. Историко-географический очерк. Дворянское землевладение в Бежецком Верхе // Бежецкий край. Первый выпуск статей Бежецкого научного общества. Бежецк. С. 21-55.

Рамешковский район: населенные пункты: энциклопедический справочник (2001) / Авт.-сост. А. Е. Серов; гл. ред. Ю. М. Смирнов. Тверь: Альба.

Росницкий Н. А. (1926). Лицо деревни: по материалам обследования 28 волостей из 32 630 крестьянских хозяйств в Пензенской губернии. М.; Л.: Государственное издательство.

Савоскул М. С., Алексеев А. И. (2021). Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузрека Терского района Мурманской области) // Крестьяноведение. Т. 6. № 3. С. 111-123.

Сборник статистических сведений по Тверской губернии (1891а). Том VI. Бежецкий уезд. Вып. 1. Тверь: Твер. губ. земство, 1885–1897.

Сборник статистических сведений по Тверской губернии (1891б). Том VI. Бежецкий уезд. Вып. 2. Тверь: Твер. губ. земство, 1885–1897.

Семенов П. П. (1880). Мураевенская волость // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб.

Семенов-Тян-Шанский В. П. (1910). Город и деревня в Европейской России. С.-Петербург.

Семенова-Тян-Шанская О. (1914). Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии. СПб.

Смирнова А. А. (2024). Географические факторы ревитализации сельских населенных пунктов «без населения» // Вестник Московского университета. Серия 5: География. Т. 79. № 1. С. 133-140.

Список карельских деревень Тверской губернии на 1873 г. (составлен Д. Рихтером в 1904 г.). ГАТО. Ф. Р-289. О. 1. Д. 309.

Ткаченко А. А. (1984). О развитии сельских территориальных общностей Нечерноземной зоны РСФСР // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 116. № 5. С. 400-407.

Ткаченко А. А., Смирнова А. А., Смирнов И. П. (2021). Опыт географической классификации сельских районов Тверской области // Крестьяноведение. Т. 6. № 3. С. 6-18.

Фадеева О. П. (2022). Трансформация сельского самоуправления: сибирский фокус // Крестьяноведение. Т. 7. № 2. С. 122-157.

Феноменов М. Я. (1925). Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни (д. Гадыши Валдайского у. Новгородской г.). Л.; М.: Гос. изд-во.

Шанин Т., Никулин А. М., Данилов В. П. (2002). Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН.

Яковлев Я. А. (1923). Деревня как она есть (Очерки Никольской волости). М.: Изд-во «Красная Новь».

Makhrova A. G., Babkin R. A., Kirillov P. L., Kazakov E. E. (2021). Moscow dachas: Will the second home become the first? // Regional Research of Russia. Vol.11. №4. P. 555-568.

Human dimension of rural history: Demographic losses and dacha revitalization in one Tver village

Lidiya P. Bogdanova, DSc (Geography), Head of the Department of Social and Economic Geography and Territorial Planning, Faculty of Geography and Geoecology, Tver State University. P. Proshina St., 3, bldg. 2, Tver, 170021, Russia.
E-mail: Bogdanova.LP@tversu.ru.

Dmitry M. Vinogradov, PhD Student, Faculty of Geography and Geoecology, Tver State University. P. Proshina St., 3, bldg. 2, Tver, 170021, Russia.
E-mail: Vinogradov.DM@tversu.ru.

Alexandra A. Smirnova, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geoecology, Tver State University. P. Proshina St., 3, bldg. 2, Tver, 170021, Russia.
E-mail: Fomkina.AA@tversu.ru

Abstract. The article reconstructs the history and key post-Soviet changes in the village of Denisovo located in Rameshkovsky municipal district of the Tver Region. The village is a part of the main settlement area of Tver Karelia that developed in the upper reaches of the Medveditsa River. Another feature of this territory is closeness to the Tver agglomeration and the Moscow Region. These features largely determined demographic changes in the village at different times. Based on various

materials, including historical sources, the authors provide a brief overview of the Karelian colonization of the territory and of the ethnic structure of settlements in the Zamytskaya *volost*. Based on the *zemstvo* statistical data and censuses, the authors analyze the population dynamics in rural settlements that were a part of the former Zamytskaya *volost* from the late 19th century to the early 21st century. The article presents a schematic historical reconstruction of Denisovo based on the survey of old residents, which was conducted in 1999. This reconstruction shows the number of people in households from the 1930s to the 1990s and the demographic losses of the village in the 20th century. The repeated survey conducted in the summer of 2024 showed the *dacha* transformation of the village, i.e., that a significant share of households is seasonally inhabited. Based on interviews with one local resident, the authors provide a contemporary scheme of households, which shows that the *dacha* ownership in Denisovo reflects the traditional directions of rural migration — to Tver, Moscow and Saint Petersburg. Owners are mainly local residents or descendants of those who left the village in the 20th century. The authors suggest the significant influence of the ethnic-cultural factor on revitalization of Tver villages.

Key words: rural studies, population dynamics, rural depopulation, village transformation, *dacha* revitalization, Tver Karelia

References

Alekseev A., Safronov S. (2017) Tipologiya selskih naselennyh punktov Evropeyskoy chasti Rossii v sovremennoy demograficheskoy i sotsialno-ekonomicheskoy situatsii [Typology of rural settlements in the European part of Russia in the current demographic and social-economic situation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 6, pp. 55–61.

Alekseev A. (1988) Selskoe rasselenie: kontseptsii i realnost [Rural settlement: Concepts and reality]. *Voprosy Geografii. Sb. 132. Sovremennoe selo: puti razvitiya*, Moscow, pp. 144–182.

Averkieva K. (2022) Selskaya dzhentrifikatsiya v rossiyskom Nechernozemye [Rural gentrification in Russia's Non-Black Earth Region]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 6, pp. 119–128.

Averkieva K., Nefedova T. (2016) Dachnaya "kolonizatsiya" rossiyskoy glubinki. Primer Kostromskoy oblasti [*Dacha* "colonization" of the Russian hinterland. Example of the Kostroma Region]. *Universe of Russia: Sociology, Ethnology*, no 1, pp. 103–128.

Averkieva K., Zemlyansky D. (2016) Sovremennaya struktura zanyatosti selskogo naseleniya v Tsentralnom Chernozemye [Contemporary structure of rural employment in the Central Black Earth Region]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 75–81.

Baskin L., Pokrovsky N., Nikolaeva U. (2022) Sotsiologiya po zemle peshkom i s vysoty poleta kvadrokoptera. Selskie doma i derevenskaya zhizn Blizhnego Severa Rossii (na primere Kostromskoy oblasti) [Sociology on the ground on foot and from the height of a quadcopter flight. Rural houses and village life in the Near North of Russia (on the example of the Kostroma Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 4, pp. 72–108.

Bulkin A. (2005) *Geograficheskaya razobshchennost i subetnosy tverskih karel* [Geographical Disunity and Subethnic Groups of Tver Karelians], Saint Petersburg.

Derevnya Denisovo (2015) [Village of Denisovo]. URL: https://gamaza1971.wordpress.com/2015/02/23/деревня-денисово.

Fadeeva O. (2022) Transformatsiya selskogo samoupravleniya: sibirsky fokus [Transformation of rural self-government: A Siberian case]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 2, pp. 122–157.

Glinka F. (1836) *O drevnostyah v Tverskoy Karelii: izvlechenie iz pisem F. N. Glinki k P. I. Keppenu* [On antiquities of Tver Karelia: An extract from the letters of F. N. Glinka to

P. I. Keppen], Saint Petersburg: Printing House of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs.

Golovkin A. N. (2008) *Istoriya Tverskoj Karelii* [History of Tver Karelia], Tver: Publishing House Studio-S.

Kovalev S. (1960) *Geograficheskoe izuchenie selskogo rasseleniya (zadachi, metodika, materialy, spetsialnye karty rasseleniya*) [Geographical Study of Rural Settlement (Tasks, Methods, Materials, Special Settlement Maps)], Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.

Kovalev S. (1963) *Selskoe rasselenie (geograficheskoe issledovanie)* [Rural Settlement (A Geographical Study)], Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.

Kremenetskaya T. (2000) *V Tverskom uglu. Materialy dlya entsiklopedii "Tverskaya derevnya"* [In the Tver Corner. Materials for the Encyclopedia "Tver Village"], Zhukovsky: "LINK" Publishing House.

Lezhnev-Finkovsky P. (1925) *Kak zhivet derevnya. Ocherki o sostoyanii derevni v Chelyabinskom i Permskom okrugah Uralskoy oblasti* [How the Village Lives. Essays on the State of the Village in the Chelyabinsk and Perm Districts of the Ural Region], Moscow: Novaya Derevnya.

Makhrova A. G., Babkin R. A., Kirillov P. L., Kazakov E. *E.* (2021) Moscow dachas: Will the second home become the first? *Regional Studies of Russia,* vol. 11, no 4, pp. 555–568.

Mezhdu domom… i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii (2016) [Between Home… and Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. T. Nefedova, K. Averkieva, A. Makhrova (Eds.), Moscow: Novy khronograf.

Nefedova T. (2003) *Selskaya Rossiya na pereputye. Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads. Geographical Essays], Moscow: New Publishing House.

Nefedova T. (2013) *Desyat aktualnyh voprosov o selskoy Rossii. Otvety geografa* [Ten Current Questions about Rural Russia. A Geographer's Answers], Moscow: Lenand.

Nefedova T., Medvedev A. (2020) Szhatie osvoennogo prostranstva v tsentralnoy chasti Evropeyskoy Rossii: dinamika naseleniya i ispolzovanie zemel v selskoy mestnosti [Compression of the developed space in the central part of European Russia: Population dynamics and land use in rural areas]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, vol. 84, no 5, pp. 645–659.

Nevolin K. (1853) *O pyatinah i pogostah novgorodskih v XVI veke* [On Novgorod *Pyatinas* and Village Cemeteries in the 16th Century], Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences.

Nikulin A., Nikulina E. (2015) *Moshinsky kust: vetvi zhiznedeyatelnosti severnoy selskoy mestnosti* [Moshinsky bush: Branches of life activity of the northern rural area]. *Peasant Studies: Theory. History. The Present Time,* vol. 10, Moscow: "Delo", pp. 274–294.

Opisanie imeniya pomeshchika N. V. Zinovieva, sostoyashchego v Zamytskoy volosti Bezhetskogo uyezda 28 avg. 1858 g. [Description of the estate of the landowner N. V. Zinoviev, which is located in the Zamytskaya *volost* of the Bezhetsk district, of August 28, 1858]. State Archives of the Territorial Administration. Collection 148. Inventory 1-1. File 6.

Fenomenov M. (1925) *Sovremennaya derevnya: Opyt kraevedcheskogo obsledovaniya odnoy derevni (d. Gadyshi Valdayskogo u. Novgorodskoy g.)* [Contemporary Village: A Local History Study of One Village (Gadyshi, Valdai district, Novgorod Region)], Leningrad; Moscow: State Publishing House.

Pokrovsky N., Nikulin A. (2023) Proiskhodit i budet proiskhodit territorialnoe pereformatirovanie selskih prostranstv [Territorial reformatting of rural spaces is taking place and will take place]. *Russian Peasant Studies,* vol. 8, no 2, pp. 140–158.

Postnikov I. (1921) Bezhetsky Verkh. Istoriko-geograficheskiy ocherk. Dvoryanskoe zemlevladenie v Bezhetskom Verkhe [Bezhetsky Verkh. A historical-geographical essay. Noble landownership in the Bezhetsky Verkh]. *Bezhetsk Territory,* Bezetsk: Bezhetsk Scientific Society, pp. 21–55.

Prusikhin O., Zhukovsky E., Krutov O., Alekseev A. (2022) Zhizn Ivana i Hansa v XXI veke: Volchinsky rajon, Altajskij kraj [Life of Ivan and Hans in the 21st century: Volchikhinsky district, Altai Region]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 3, pp. 190–209.

Rameshkovsky rayon: naselennye punkty: entsiklopedichesky spravochnik (2001) [Rameshkovsky District: Settlements: Encyclopedic Directory]. Comp. by A. E. Serov; ed. by Yu.M. Smirnov, Tver: Alba.

Rosnitsky N. (1926) *Litso derevni: po materialam obsledovaniya 28 volostey iz 32630 krestyanskih khozyaystv v Penzenskoy gubernii* [Face of the Village: Based on the Survey of 28 Volosts and 32,630 Peasant Economies in the Penza Province], Moscow; Leningrad: State Publishing House.

Savoskul M., Alekseev A. (2021) Traektorii transformatsii odnoy neperspektivnoy derevni (na primere derevni Kuzreka Terskogo rayona Murmanskoy oblasti) [Transformation trajectories of one unpromising village (on the example of the village of Kuzreka, Tersky district, Murmansk Region)]. *Russian Peasant studies,* vol. 6, no 3, pp. 111–123.

Sbornik statisticheskih svedeniy po Tverskoy gubernii (1891a) [Collection of Statistical Information on the Tver Province], vol. VI: Bezhetsk district; no 1, Tver: Tver Province Zemstvo, 1885–1897.

Sbornik statisticheskih svedeniy po Tverskoy gubernii (1891b) [Collection of Statistical Information on the Tver Province], vol. VI: Bezhetsk district; no 2, Tver: Tver Province Zemstvo, 1885–1897.

Semenov P. P. (1880) Muraevenskaya volost. *Sb. materialov dlya izucheniya selskoy pozemelnoy obshchiny*, Saint Petersburg.

Semenova-Tyan-Shanskaya O. (1914) Zhizn "Ivana". Ocherki iz byta krestyan odnoy iz chernozyomnyh guberniy [Life of "Ivan". Essays on the everyday peasant life in one Black-Earth province]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii,* Saint Petersburg.

Semenov-Tyan-Shansky V. P. (1910) *Gorod i derevnya v Evropeyskoy Rossii* [City and Village in European Russia], Saint Petersburg.

Shanin T., Nikulin A., Danilov V. (2002) *Refleksivnoe krestyanovedenie: desyatiletie issledovaniy selskoy Rossii* [Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studies of Rural Russia], Moscow: MSSES.

Smirnova A. A. (2024) Geograficheskie faktory revitalizatsii selskih naselennyh punktov "bez naseleniya" [Geographical factors of revitalizing rural settlements "without population"]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, vol. 79, no 1, pp. 133–140.

Spisok karelskih dereven Tverskoy gubernii na 1873 g. [List of Karelian villages in the Tver Province in 1873]. Comp. by D. Richter in 1904. GATO. Fund R289. Inventory 1. File 309.

Tkachenko A. (1984) O razvitii selskih territorialnyh obshchnostey Nechernozemnoy zony RSFSR [On the development of rural territorial communities of the Non-Black Earth region of the RSFSR]. *Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo Obshchestva*, vol. 116, no 5, pp. 400–407.

Tkachenko A., Smirnova A., Smirnov I. (2021) Opyt geograficheskoy klassifikatsii selskih rayonov Tverskoy oblasti [A geographical classification of rural areas in the Tver Region]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 3, pp. 6–18.

Vershinsky A. N. (1932) *Spisok karelskih seleniy Moskovskoy oblasti* [List of Karelian Villages in the Moscow Region], Moscow: Proletarskaya Pravda Publishing House.

Vershinsky A. (1935) *Ocherki istorii verkhnevolzhskih karel v XVI—XIX vv.* [Essays on the history of the Upper Volga Karelians in the 16th—19th centuries]. *Historical Collection*, Moscow: USSR Academy of Sciences, vol. 4, pp. 73–104.

Vinogradskaya O., Vinogradsky V., Nikulina E. (2020) Mir novyh poselyan: malye dela vs bolshie nadezhdy [The world of new settlers: Small deeds vs high hopes]. *Puti Rossii. Narodnichestvo i populism,* Moscow: "Delo" pp. 271–288.

Yakovlev Ya. (1923) *Derevnya kak ona est (Ocherki Nikolskoy volosti)* [Village as It Is (Essays on the Nikolskaya Volost)], Moscow: Krasnaya Nov Publishing House.

Zaslavskaya T., Ryvkina R. (1972) *Vliyanie protsessov urbanizatsii i industrializatsii na sotsialno-ekonomicheskoe razvitie derevni* [The influence of urbanization and industrialization on the social-economic development of the village]. *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie sela i migratsiya naseleniya*. T. Zaslavskaya, V. Kalmyk (Eds.), Novosibirsk, pp. 245–263.

Zaslavskaya T., Ryvkina R. (1977) *Metodologicheskie problemy sistemnogo izucheniya derevni* [Methodological Issues of the Systems Analysis of the Village], Novosibirsk: Nauka.

Zubarevich N. (2015) Transformatsiya selskogo rasseleniya i seti uslug v selskoy mestnosti [Transformation of rural settlement and service network in rural areas]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 3, pp. 26–38.